

УДК 94(47).082/83
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-648-658
Оригинальная статья

Особенности формирования новых исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. (на материалах Государственного архива Краснодарского края)

Гончаров А.С.

Ставропольский государственный педагогический институт,
Россия, 355000, Ставрополь, ул. Ленина, д. 417
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru

Аннотация. В центре исследования лежит когнитивная категория представлений, являющаяся наряду с образами частью системы миропонимания в сознании человека. Представления кубанского казачества – это одно из проявлений исторической памяти, культурные и эмоциональные концепты, нашедшие отражение в народном сознании кубанцев. Цель исследования – комплексный анализ исторических представлений казачества Кубанской области. В рамках традиции, заложенной испанским философом и писателем М. де Унамуно, в ходе исследования рассмотрены такие проявления исторических представлений в структуре ментальности казаков, как свидетельства акторов исторических событий, интраистория как разновидность общественного мнения и специфика устной народной традиции. Методология исследования построена также на ключевых принципах истории казачества и казаковедения М.М. Громыко и Д.И. Яворницкого. Определены важнейшие аксиоформы героического прошлого кубанских казаков, выразившиеся в рассказах о прошлом, слухах, мнениях, местной периодике и фольклоре. Сделан вывод о существовании в конце XIX в. устойчивой модели и единообразной структуры формирования исторических представлений, обусловленных темпоральным аспектом ментальности – специфической взаимосвязью моментов времени и временных характеристик, а также развитием уникального уклада сельскохозяйственного, социально-бытового и военного устройства повседневности.

Ключевые слова: казачество, историческое представление, историческая память, картина мира, традиция

Для цитирования: Гончаров А.С. 2022. Особенности формирования новых исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. (на материалах Государственного архива Краснодарского края). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 648–658. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-648-658

Formation Peculiarities of the Kuban Region Cossacks New Historical Representations at the End of the XIX Century (on Materials of the State Archive of the Krasnodar Territory)

Artyom S. Goncharov

Stavropol State Pedagogical Institute,
417 Lenin St., Stavropol 355000, Russia
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru

Abstract. The study focuses on the cognitive category of representations, which, along with images, is part of the system of worldview in the human mind. The representations of the Kuban Cossacks are one of the manifestations of historical memory, cultural and emotional concepts that are reflected in the

Kuban people's consciousness. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the historical ideas of the Cossacks of the Kuban region. Within the framework of the tradition established by the Spanish philosopher and writer M. de Unamuno, the study considers such manifestations of historical ideas in the structure of the mentality of the Cossacks as evidence of actors of historical events, intrahistoria as a kind of public opinion and the specifics of oral folk tradition. The research methodology is also based on the key principles of the history of the Cossacks and Cossack studies by M.M. Gromyko and D.I. Yavornitsky. The most important axioforms of the heroic past of the Kuban Cossacks, expressed in stories about the past, rumors, opinions, local periodicals and folklore, are identified. It is concluded that at the end of the XIX century there was a stable model and a uniform structure for the formation of historical ideas, due to the temporal aspect of mentality – the specific relationship of moments in time and temporal characteristics, as well as the development of a unique way of agricultural, social and military organization of everyday life.

Keywords: Cossacks, historical representation, historical memory, picture of the world, tradition

For citation: Goncharov A.S. 2022. Formation Peculiarities of the Kuban Region Cossacks New Historical Representations at the End of the XIX Century (on Materials of the State Archive of the Krasnodar Territory). *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 648–658 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-648-658

Введение

Исторические представления сословия или этноса состоят в том, что благодаря им историк может обнаружить структуру или модель реализации картины мира, систему образов и смыслов – те наиболее значимые компоненты сознания, которые содержат устойчивые концепты пространства и времени.

Основу представлений исторической личности составляют функции темпорального ощущения и чувствования, меняющиеся и подстраивающиеся под определенную картину мира. Человек формирует свое представление в контексте анализа непосредственной сущности предмета или явления, а посредством пережитого опыта, глубокого эмоционального переживания.

В свое время великий немецкий философ А. Шопенгауэр сделал верное замечание: ««Мир есть мое представление»: вот истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа <...>. Для него становится тогда ясным и несомненным, что он не знает ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий его мир существует лишь как представление, т. е. исключительно по отношению к другому, к представляющему, каковым является сам человек...» [Шопенгауэр, 2022].

В конце XIX в. казачество Кубанской области формировало свои исторические представления в контексте упадка воинской повседневности и расцвета сельскохозяйственного производства. Картина мира обрисовывалась вокруг минувших событий и двух глобальных этнокультурных процессов – аберрации дальности и аберрации близости.

Первый процесс заключался в том, что некоторые события древнейшей истории, как, например, феномен «бродничества» или генезис казачества в окрестностях Дикого поля, «размывались» в сознании кубанцев, становясь более абстрактными, чем сравнительно недавние, и крайне сакрализованными в контексте социальной реальности. Второй процесс затрагивал недавние события (Кавказскую войну, Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.), которым придавалось высокое аксиологическое значение; они ставились выше, чем более ранние события конца XVIII – начала XIX в. Иными словами, в исторической памяти казаков последние элементы ряда материалов по сравнению со средними элементами ряда припоминались чаще. Это находило отражение как в области интраистории, так и на уровне речетворчества, создания устной народной традиции.

Актеры памяти состояли преимущественно из жен вернувшихся после окончания войны казаков и профессиональных поэтов, историков-современников и ближайшего окружения журналистов из местной периодической печати. Ветераны пользовались большим авторитетом в станицах Кубанской области, вокруг них собиралась молодежь, но сами казаки редко сочиняли песни на непоходовую тематику или тем более прозаический материал. Тем не менее значительная часть участников войн с воодушевлением рассказывала о «славном времени». Исходя из этого, можно судить о том, что источниками формирования новой модели исторических представлений казачества Кубанской области в конце XIX в. являлись свидетели исторических событий, актеры интраистории (участники станичных сборов) и творцы фольклора.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают исторические представления казаков Кубанской области последней четверти XIX века, ветеранов войн, их жен, молодежи, местных публицистов и, до некоторой степени, историков-современников, по-своему оценивавших локальную историю и особенности развития кубанского казачества как сословия, социокультурной общности или «молодого этноса». Данным положением определена интенция на анализ и герменевтику воспоминаний о ходе военных событий, их осмысления, публицистического и художественного воплощения.

Источниковая база исследования представлена двумя типами исторических источников: устная народная традиция и письменные источники, включающие в себя архивные сведения, периодические издания и труды историков-современников. К материалам фольклора относятся «Народные песни Кубани» [Захарченко, 1987], «Песни черноморских казаков» [Бигдай, 1992]. Архивные материалы представлены документами, извлеченными из базы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), а именно из фондов № 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска» и № 670 «Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска». Главными источниками, раскрывающими аксиологическую сторону представлений кубанцев, выступают периодические издания: восьмой выпуск «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа» за 1889 г.; газеты «Кубанские областные ведомости» и «Голос казачества». Труды историков-современников представлены заметками П.П. Короленкова, подготовленными для газеты «Кубанские областные ведомости», и вторым томом «Истории кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины. Вспомогательным источником выступает учебное пособие А.П. Певнева 1911 г., написанное для учеников станичных школ Кубанской дирекции.

Историография исследования частично затрагивает труды современников, дореволюционных историков, подробно описавших историю становления и военный быт кубанцев, но главным образом среди тех исследователей, которые занимались изучением представлений кубанских казаков как самостоятельного объекта, следует выделить работы: «Предания о заселении и освоении территории в устнопрозаическом фольклоре кубанских казаков» В.В. Воронина, «О воззрениях русского народа» М.М. Громыко и второй том «Истории запорожских казаков» Д.И. Яворницкого. Статья В.В. Воронина интересна тем, что автор рассматривает исторические представления сквозь картину мира и фольклора как общее и частное проявления народного сознания, тогда как М.М. Громыко и Д.И. Яворницкий – через постановления казачьих сборов, записки и свидетельства акторов исторических событий.

Методологическая основа восходит к традиции учений А. Шопенгауэра и М. де Унамуно, а именно к обоснованию когнитивной системы образов и представлений как разновидности исторической памяти. В частности, М. де Унамуно характеризовал исторические представления как формы оценки прошлого, интраистории, возникающей как

спонтанно, на основе слухов и толков, так и осознанно, в процессе создания фольклора, декламирования картины мира на церковных проповедях, станичных сборах и выступлениях, формирования локальной истории в трудах современников.

Методологический подход исследования – локальная история М.М. Громыко, отражающая ключевые идеи и принципы школы французского историка Бернара Гене, который сформировал проблему исторической культуры, а также расширил и углубил понятия исторической памяти и исторического представления. В 1990-е гг. школа Гене оказалась под влиянием немецкой исторической антропологии Я. Ассманна. Историческое представление стало пониматься как имплицитная ценность, связанная с актуальным знанием в структуре исторической памяти [Репина, 2018, с. 239]. В отечественной исторической науке представления изучались в рамках историко-психологического детерминизма, а также «новой интеллектуальной истории». Вскоре М.А. Барг отделил понятия «представление» и «историческое представление», определив последнее как пространственно-временную ориентацию общества, основанную на аксиологическом материале – исторической памяти очевидцев произошедших событий, тесно связанной с эмоциональными концептами [Репина, 2018, с. 268].

Отечественную историографию исследования условно можно разделить на три периода: дореволюционный, советский, постсоветский/российский. Для каждого периода было характерно детальное описание военной службы казаков, но мало внимания уделялось повседневности труда и быта, картине мира и непосредственно историческим представлениям. Историческая память изучалась преимущественно в контексте анализа свидетельств очевидцев, без характерной для зарубежных школ герменевтики. В частности, данные особенности были характерными для дореволюционной историографии. Труды П.П. Короленко (1884 г.) и Ф.А. Щербины (1913 г.) лишь косвенно затрагивали представления казаков, в большей степени они были посвящены «народной истории» и опирались на принципы «Государственной школы».

Советская историография редко затрагивала когнитивные категории исторического знания, когда речь шла о казачьем сословии, исключение составляли разве что представители диахронического подхода – В.К. Соколова и И.М. Шептунов, которые изучали исторические представления на основе устной народной традиции. Работа В.К. Соколовой «Русские исторические предания» (1970 г.) сопровождается разъяснением сразу нескольких видов исторических представлений, – как формообразующих понятий о фактах прошлого, об историческом времени и историческом пространстве. Исследование И.М. Шептунова «Отражение русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в фольклоре» (1978 г.) содержит полезные сведения о процессе формирования представлений среди казаков на примере фольклора и общественного мнения. То же, но в более полном и развернутом виде можно сказать по поводу работ представителей постсоветской историографии – И.Я. Куценко и Д.И. Яворницкого.

Российская историография, рассматривающая исторические представления казачества Кубани (Кавказской губернии, Кубанской области), довольно близка в своей практической части к дореволюционной. Тем не менее концептуальная сторона, как правило, трактуется в рамках историко-психологического детерминизма. Следующие за принципами учения М. де Унамуно В.В. Воронин и М.М. Громыко в своих работах отождествляют народные воззрения и исторические представления, изучая, таким образом, скорее когнитивные категории – представления о сравнительно недавнем прошлом и аберрацию близости. С этой позиции можно говорить и о сходстве с зарубежной историографией, а именно с работой Р.Х. МакНила «Царь и казаки, 1855–1914» (1987 г.) и более ранним исследованием.

В методологический аппарат исследования вошли следующие методы. Философские (общенаучные) методы: анализ, герменевтика, синтез, моделирование, абстрагирование, дедукция, конструирование, конвенция. Основными методами исследования выступают специально-исторические: нарративный метод, используемый при раскрытии особенностей народного мышления, биографический метод, историко-системный метод, применяемый в процессе восстановления системы образов и смыслов, историко-типологический

метод и историко-сравнительный метод, метод исторической периодизации, ретроспективный метод, необходимый для выделения контекстных представлений кубанцев и черноморцев, структурный и функциональный методы.

Отдельно следует обозначить методы исторической антропологии («Новой культурной истории»): номотетический и идиографический методы, используемые для изучения универсальных и уникальных представлений соответственно, метод индексов, метод регрессий, метод ассоциаций, метод главных компонентов, метод изучения комплиментарности, необходимый для понимания качественных противоречий в структуре народного сознания по поводу прошедших войн и наиболее важных событий областного уровня. В качестве вспомогательных методов используются методы школы исторической памяти и методы мир-системной теории, например, метод наблюдательных пунктов, применяемый при рассмотрении представлений историков-современников.

Результаты и их обсуждение

1. Свидетельства акторов. Данный тип исторического представления занимал центральное место в картине мира казаков из старшего поколения 40-х гг. и молодежи, так как именно ветераны и старожилы являлись главным источником описания народной истории. Британский историк Р.Х. МакНил считает, что именно эти социальные группы казаков участвовали в составлении интраистории, иначе – их воспоминания фиксировались в трудах историков-современников: П.П. Короленко, Ф.А. Щербина, И.Д. Попко, Е.Д. Фелицына и т. д. [McNeal, 1987, p. 219]. Так, описывая свидетельства М. Поночовного об обороне кубанцами и черноморцами Таманского полуострова в феврале-сентябре 1855 г., Ф.А. Щербина не только предоставил ценные сведения о боевых действиях на Черноморской линии, но и оставил важные сведения о показаниях очевидцев. В частности, бомбардировка Новороссийска 28 февраля – 1 марта 1855 г. англо-французской эскадрой в воспоминаниях казака из Анапы представлялась как вынужденная мера. Когда полуэскадрон казаков вынудил эскадру отступить, старожилы занимались восстановлением обороноспособности города, одновременно поднимая моральный дух молодежи. В то же время ликования протурецки настроенных горцев встречали резкое социальное осуждение. Ф.А. Щербина выделяет значение общественного мнения для начальства Кубанского казачьего войска: 12 сентября французский десант занял Тамань, тогда те же старожилы посчитали, что бой лучше всего дать на возвышенной позиции у Темрюка. Слухи дошли до военного руководства, и в итоге командующий Кубанским казачьим полком так и поступил [Щербина, 1913, с. 517–519].

По верному замечанию И.Я. Куценко, совершенно иной случай – когда историк передает материал в максимальном приближении к его оригиналу, полученному сразу после произошедших событий из первых рук. Тогда полученные сведения отличаются большей объективностью и одновременно передают неискаженные представления свидетелей [Куценко, 1993, с. 9]. В этом прослеживается явное отличие между трудами Ф.А. Щербина и П.П. Короленко. Последний, в частности, тоже изучал исторические представления, но переносил их исключительно из записанных на бумаге рассказов офицеров, казаков. Одним из примеров служит сообщение сподвижников его отца, Петра Короленко, об отношении подчиненных, казаков-черноморцев, к своим атаманам: «Многоуважаемый Прокофий Петрович! Письмо Ваше я получил, с которого видно, что Вы желаете знать родовую фамилию Чепеги и Головатого. Отец мой полковник Петр Бурное занимал границу от турецкого владения с Чепегой, у них было под командою 12 полков конных войска Запорожского пяти сотных...» [ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 41]. Далее информант рассказывает, что сослуживцы Сидора Игнатьевича Белого и Захария Алексеевича Чепеги, которые поочередно командовали девяти тысячной пехотой, сражаясь против татар в Крыму, не были известны благодаря своей фамилии. Оба атамана прославились на поле боя и стали известны как «доблестные воины». С.И. Белый стал известен своей решимостью, казаки всегда радушно встречали его на утреннем смотре.

З.А. Чепегу часто сравнивали с Головатым как человека «весьма замечательного». Тем не менее все сослуживцы (перечисляются фамилии Бурнос, Дибров, Борзик, Лаврык) как один были уверены, что слава атаманов Черномории скоро пройдет. «О них говорили так: “ Нихто их не знав, не знае и знати не буде”» [ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 17. Л. 41 об.].

Рассматривая контекстное представление казаков-черноморцев и части кубанцев, заметим, что многие другие респонденты также утверждали, будто у атаманов вовсе нет негативных качеств и свойств характера, а их стратегические навыки – безупречны, хотя и статистические данные, и военные реестры показывают, что как минимум З.А. Чепега, будучи атаманом Черноморского казачьего войска, допустил множество крупных просчетов в войне столетней давности. Несмотря на это, даже потомки его сослуживцев в конце XIX в. считали его народным героем, а в местной периодике трудно найти хотя бы один эпизод из т. н. «неудавшихся походов» [Гончаров, 2021, с. 35]. Именно так в народном сознании проявлялась аберрация близости: события, связанные с именем атамана, популярного в народе, часто припоминались и обрастали новыми мифологемами. В качестве примера можно привести очерк по программе Ф.А. Щербины 1904 г. (хут. Азовский), где говорится, что казаки верили, будто в Русско-турецкую войну (1877–1878 гг.) наказных атаманов «направлял» дух Чепеги [ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.]. Таким образом, происходило создание мономифа и культа героев, Русско-турецкие войны 1787–1791 и 1877–1878 гг. отождествлялись по своей трагичности и возвышенности для истории казачества. Атаманы и прославившиеся казаки наделялись чертами «старых» героев, но не потому, что те были действительными мастерами военной стратегии и тактики, а только из-за их близости к народному сознанию, тем стереотипам и историческим представлениям, которые уже существовали столетие назад.

2. Интраистория. В трудах философов и историков термин «интраистория» оценивался по-разному: как разновидность исторической памяти, ее части – представлений или как продукт народного сознания, то есть как история, создающаяся «изнутри», непосредственно акторами исторических событий. Считаем, что правильнее всего относить интраисторию к типу продукции народного сознания, в этом ключе ее можно рассматривать как разновидность общественного мнения или совокупность исторических представлений. В этом ключе интраистория позволяет раскрыть чувственный аспект событий прошлого через сравнительно недавнее настоящее [Unamuno, p. 17].

В Кубанской области в конце XIX в. казаки имели возможность формировать свою интраисторию посредством обращения к официальным документам; недавно завершившиеся события, включая военные события, рост сельскохозяйственного производства или распространение православной культуры, сразу становились доступны подавляющему числу населения и разносились по краю при помощи повседневного общения. Часть официальной документации оставалась доступной только служилым казакам, получавшим приказы еще в составе Кубанского казачьего войска.

В 1899 г. население Кубанской области составляло 1 918 881 человек, из которых 91 % был представлен казачеством по следующим категориям: 1) служилые казаки; 2) «льготники», те, кто нес гражданскую службу и предоставлял в войско сельскохозяйственную или ремесленную продукцию; 3) «оказаченные» крестьяне – богатые и зажиточные поселенцы, которые получили возможность перейти в новое сословие благодаря работе на именитые кубанские семьи [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская область, 1905]. Каждая из данных категорий имела свои уникальные представления о сравнительно недавнем прошлом. Также важно учитывать, что все исторические представления отличались у представителей отдельно взятого этноса. Большую часть интраистории составляли слухи и толки преобладающего населения – малороссов, великороссов, адыгов, черкесов и кабардинцев, которые и составляли кубанское казачество (табл. 1).

О жизни во внутренних и центральных губерниях, в европейской части Российской империи, на Балканах и в Причерноморье в целом казаки узнавали в основном из газеты «Кубанские областные ведомости», где освещались наиболее значимые события для юж-

нославянского мира. При этом позволить себе выписку номеров газеты не могли бедные казаки и иногородние крестьяне, арендовавшие в некоторых отделах Кубанской области пахотные участки и выпасы. П.П. Короленко сохранил слова одного урядника о газете и опубликовал их в выпуске, посвященном весенним православным праздникам на Кубани и в Черномории: «Корисна справа, ца газетка. Бувае, весь день ничего не знаешь, ходишь по станицы розгубленим, а тут <...> добро прочитаешь, побалакаешь с друзьями, родней <...>. Богато тем для розмови...» [Короленко, 1884].

Таблица 1
 Tabl. 1

«Данные % о национальном составе переписи 1897 г. по Кубанской области»⁵⁷

Отдел	м/рос.	в/рос.	адыг., черк., кабард.	карач., балк.	немцы	греки	армяне	абхазы и абазины	ногайцы
Вся обл. в целом	47,4	42,6	2,0	1,4	1,1	1,1	> 1,0	> 1,0	> 1,0
Баталпашинский	27,1	41,9	5,7	12,5	2,0	> 1,0	> 1,0	3,9	2,7
Ейский	73,9	23,6	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0
Екатеринодарский	51,8	34,2	8,1	> 1,0	> 1,0	1,4	1,1	> 1,0	> 1,0
Кавказский	45,8	51,1	> 1,0	> 1,0	1,6	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0
Лабинский	18,9	75,2	> 1,0	> 1,0	1,9	> 1,0	1,7	> 1,0	> 1,0
Майкопский	31,3	56,9	4,9	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	2,1	> 1,0
Темрюкский	75,2	17,1	> 1,0	> 1,0	4,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0	> 1,0

Немаловажное значение для целенаправленного формирования интраистории имели учебные пособия, учебники по истории казачества и Кубани. В частности, учебный материал (позднее легший в основу пособия) А.П. Певнева «Кубанские казаки», подготовленный для станичных школ Кубанской дирекции, помог молодежи лучше разобраться в истории Российской империи (начиная с 1613 г.), особенностях зарождения казачества как феномена, а также в культуре и традициях кубанцев на момент образования Кубанской области в 1860 г. [Певнев, 1911]. Сам автор часто сетовал на то, что подрастающее поколение не помнит о подвигах своих предков; большинство памятников, поставленных в честь атаманов и есаулов, никогда не интересовали станичников. «Никто не знал, что это за памятник и кому он поставлен» [КОВ, 1909, № 138]. Возможно, это было связано как раз с существовавшим у казаков культом героев, функции которого затрагивали исключительно авторитет ныне живущих атаманов, влиявших на специфику повседневности службы, труда и быта кубанцев [СМДОМПК, 1889; Прийма, 1999].

Но, безусловно, данная тенденция не являлась абсолютной. Так, например, казаки и в конце XIX в. прекрасно помнили подвиг Андрея Леонтьевича Гречишкина. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. сотня Гречишкина встретила отряд горцев, многократно превосходивший ее численностью. 14 сентября 1829 г. сотник выдвинулся из станицы Тифлисской, получив приказ провести разведку вдоль рек Кубани и Зеленчука и двинуться в район Волчьих ворот. 15 сентября в середине дня Гречишкин вместе с 82–85 казаками встретился с 700 горцами, пришедшими разорять станицу. Горцы окружили казаков у речного берега, тогда Гречишкин приказал заколоть лошадей и выложить из их тел бруствер. Этим ходом Гречишкин предоставил регулярным войскам достаточное количество времени для наступления. Сотник не отступил, несмотря на то, что командиры горцев дважды предлагали ему сложить оружие. После прибытия основных сил организаторы нападения были жестоко наказаны, а сотня Гречишкина была прославлена как официально, так и в фольклоре. Позже сотник

⁵⁷ Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. № 65. Кубанская область. Население – переписи. URL <https://www.prilib.ru/item/436640> (дата обращения 06.09.2022).

Г.П. Головков, имевший предвзятое отношение к личности Гречишкина, тем не менее вложил собственные средства для того, чтобы эпизод у Тифлисской станицы не остался незамеченным. К 50-летию подвига в «Кубанских областных ведомостях» вышел номер, повествующий о героях-командирах первого Кавказского полка [КОВ, 1879, № 37].

Через обращение к местной периодике, записям сборов атаманов и старейшин, поведеней священнослужителей в казачьей среде, а также к оценкам современников, можно определить спонтанное формирование интраистории [Соколова, 1970]. На основе сложившихся традиций, материальных благ и официального делопроизводства восстанавливается картина целенаправленного формирования интраистории, отличная по своей структуре от слухов, толков и нереализованной системы оценочных норм (утилитаризма, взаимоотношений жителей внутри станицы/села и социальных связей с другими сословиями отдельно взятых представителей казачества) [Hindus, 1946, p. 204].

Особое место в сердце кубанских казаков занимали проповеди и православные праздники. Религиозная картина мира казачества формировалась непосредственно под воздействием религиозных обычаев и ритуалов в церквях. Играла роль и близость Ставропольской кафедры, наличие которой усиливало склонность к пышности праздников, строгости постов и откровенности исповедования. И если проповеди представлялись как необходимое обязательство, не всегда приносившее радость, то праздники порой устраивали целые отделы в области, собиравшие даже беднейших станичников. В качестве примера можно привести праздник 12 января в станице Ладожской, проходивший накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 г., когда священник Масальский, совершавший молебствие, смог собрать при поддержке церковей всех казаков Екатеринодарского отдела. По окончанию праздника священник благословил каждого священным крестом. Благодаря этому празднику у четвертой артиллерийской батареи укрепилось представление, что они содействуют защите страждущих братьев славян [КОВ, 1877, № 10].

3. Устная народная традиция. В рамках изучения фольклора как акциденции (смыслопорождения) исторических представлений, нельзя не отметить, что вопрос об этнокультурной принадлежности кубанского казачества продолжает оставаться спорным в исторической науке, – либо, помимо сословной принадлежности, кубанцев следует относить к этнотипу, этнокультурной общности, либо к субэтнотипу, – во всяком случае, не приходится сомневаться в том, что в среде казаков Кубанской области зародился свой уникальный фольклор, основанный на кубанской балачке. По большей части, этот фольклор составляли традиционные формы исторической памяти – предания, легенды и песни, устнопрозаические произведения [Шептунов, 1978, с. 11]. Условия формирования представлений в устной традиции в 1870-е гг. характеризовались подъемом сельскохозяйственного производства и одновременным упадком воинской ментальности, что объясняет рост числа песен любовного и философского характера, склонность к пейзажной лирике и относительную непопулярность новые военных произведений [Куценко, 1993, с. 312].

Предания напрямую зависели от абстракции дальности и составлялись согласно типичному опыту мифопоэзии южнославянского мира, хотя, что не может быть не отмечено, кубанские предания находились под значительным влиянием эпической лирики ногайских племен Ставрополя и поэзии греков-колонистов, расселявшихся на территориях Кубанской области и Черноморской береговой линии (с 1896 г. – Черноморской губернии). Предания относились к топонимическому типу, в каждой станице существовал либо свой сюжет какого-либо казачьего мифа или исторического события, либо один общий сюжет, принимавший микрорегиональные черты [Громыко, 2000, с. 426]. Наравне со сказаниями о Кавказской войне практически любая легенда, любое предание восходили к личностям героев-атаманов Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева или к личностям правителей – Петра I и Екатерины II. В легенде о заселении станицы Воровсколесской сказано, что, когда императрица Екатерина заставила казаков заселить Кубань, многие из них стали ходить в папах; каждое поколение имело папаху качеством лучше, и это показы-

вало рост благополучия, но также с каждым поколением забывались исконные запорожские традиции, а этого увидеть было нельзя. В одном из преданий станицы Удобной говорилось, что в период пребывания Суворова в Пятигорске один купец обманул казака: тот скупил весь низкосортный товар по завышенной цене. Вскоре об этом доложили Суворову, купца наказали, и тогда станичный атамана стал сам назначать цены на меновых дворах и базарах. В конце XIX в. эта традиция ничуть не ослабла [Воронин, 2002, с. 270–271].

Песенные традиции устойчиво бытовали на протяжении десятилетий в творчестве кубанских казаков. В конце XIX в. они оформились в совершенно уникальное явление, несмотря на общее угасание фольклора среди донцев и терцев. В казачьей культуре речетворчество всегда оставалось историчным по своей сущности, песни являлись откликом на исторические представления, когда казаки стремились чувственно выразить свой голос, голос народа на конкретные события [Захарченко, 1987, с. 9]. Дух эпохи придал фольклору кубанцев поистине огромное разнообразие тем и мотивов, но центральным и наиболее распространенным всегда оставалось противостояние казаков и турков. Так, например, знаменитая и по сей день в Краснодарском крае «Песнь о Байде» была преобразована на исторический слог именно в конце XIX в.: Прыйшов до його пан турэцькый: / “Ой, шо робэ, Байда; пан молодэцькый?” / “Ой, пью, панэ, мэд и горилку, / Та нэ дэнь и нэ два, та нэ одну ничку <...>”. / «Тоби, панэ, в зэмлі гныты, / Гэй, а Байди молодому мэд, горилку пыты» [Бигдай, 1992, с. 34].

Представления казаков в чувственном аспекте передавались в дискурсе описания пейзажа, изложения любовной или городской лирики; существовали философские песни, например, инварианты знаменитой донской песни о вороне, но исключительно исторические представления в основном исходили из песен, которые либо описывали создания станиц и сел, как и подавляющее число легенд и преданий, либо раскрывали аксиологическую составляющую подвигов казаков. О том же Д.И. Вишневецком, прозванном в кубанской среде «Байдой», сложилось множество песен. Гетман Запорожской Сечи оставался популярен и в конце XIX в. Несмотря на происки против императорского двора России, его подвиги и храбрость в период пленения в Константинополе турецким султаном Селимом II нашли отклик в сердце кубанцев. Вишневецкий показал себя как ярый защитник христианской веры. Эпизод, когда Вишневецкий при падении с башни зацепился ребром за железный крюк и молил бога о спасении, прочно укрепился в народном сознании кубанского казачества [Яворницкий, 1990, с. 24–27].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что модель формирования исторических представлений у кубанцев в XIX в. претерпела незначительные изменения по сравнению с 60-ми гг., но сам характер индексации культурных, эмоциональных концептов окреп: к свидетельствам акторов исторических событий стали прислушиваться гораздо чаще, интраистория и станичные сходы стали нагляднее отображать чувственное познание окружающего мира. В то же время совещания и выступления, процесс создания песен отличались богатством и разнообразием. В официальных источниках, местной периодике довольно подробно описывались сравнительно недавние события с фронта, поэтому структурный компонент картины мира кубанского казачества всегда был тесно связан с военной повседневностью. Массовая информация, слухи, толки и речетворчество охватывали всю «историю в человеке», касавшуюся его системы оценочных норм. Свидетельства акторов, несмотря на свою относительно субъективную природу, помогали более детально воссоздать минувшие события, а интраистория, не содержащая нового знания, помогала сформировать общественное мнение (в этом случае искаженные романтическим духом подвиги служили хорошим примером для патриотического воспитания молодежи). У казаков сохранилось множество стереотипов, но именно они укрепляли триединое представление о долге защищать «Веру, Царя и Отечество». В эпоху Александра III, который был невероятно по-

пулярен среди кубанских казаков, как раз это представление обростало эмпирическими знаниями военного, сельскохозяйственного или социально-бытового толка. Довершали процесс складывания единой системы представлений и картины мира проповеди и праздники, где все установки и декларации казаков сливались в единое представление самобытного воинского сообщества с его собственным, неповторимым видением мира.

Список источников

- Бигдай, А. 1992. Песни кубанских казаков. Ред. В. Г. Захарченко. Краснодар, Краснодарское кн. изд-во. Т. 1. Песни черноморских казаков, 1992. 440 с.
- ГАКК. Ф. 670. Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска. Оп. 1 дел пост. хранения. Д. 4. Из переписки Ф.А. Щербины с георгиевским кавалером Андреем Ивановичем Гордышевым, 1904 г. Л. 50.
- ГАКК. Ф. 670. Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска. Оп. 1 дел пост. хранения. Д. 17. 1-я Кубанская казачья дивизия. Л. 265.
- Захарченко В.Г. 1987. Народные песни Кубани. Краснодар, Краснодарское Кн. изд-во, 1987. 320 с.
- Короленко П.П. 1884. Весенние хороводы в Черномории. Кубанские областные ведомости, 1884. No 40.
- Кубанские областные ведомости (КОВ). Екатеринодар, 1877. No 10.
- Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1879. No 37.
- Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1909. No 138.
- Мачавариони К.Д. 1896. Из воспоминаний о первом Кубанском пластунском батальоне. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1896. No 80.
- Певнев А.П. 1911. Кубанские казаки, пособие для учеников станичных школ Кубанской дирекции при изучении истории родного войска. Сост. и ред. А.П. Певнев. Екатеринодар, Тип. Кубанского областного правления, 1911. 131 с.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. 1–89. Под редакцией Н.А. Тройницкого. Кубанская область. СПб., издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. XII. 263 с.
- Прийма И.Я. 1999. Мои воспоминания. Родная Кубань. Екатеринодар, 1999. № 1.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМДОМПК). 1889. Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Тифлис, Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1889. Вып. 8.
- Щербина Ф.А. 1913. История кубанского казачьего войска. Том II. История войны казаков с закубанскими горцами. С военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы. Сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф.А. Щербина. Екатеринодар, Тип. Товарищества Печатного и Издательского Дела под фирмою «Печатник», 1913. 865 с.

Список литературы

- Воронин В.В. 2002. Предания о заселении и освоении территории в устнопрозаическом фольклоре кубанских казаков. Освоение Кубани казачеством, Вопросы истории и культуры. Краснодар, Краснодарское кн. изд-во, 2002: 68–278.
- Гончаров, А.С. 2021. Исторический портрет Захария Алексеевича Чепеги. История. Историки. Источники, электронный научный журнал. Тула, Изд-во Тульского государственного университета, 2021. 4: 28–37.
- Громько М.М., Буганов А. В. 2000. О воззрениях русского народа. Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., Паломник, 2000. 543 с.
- Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, Краснодарское кн. изд-во, 1993. 358 с.
- Репина Л.П. История исторического знания, учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., стер. М., Издательство Юрайт, 2018. 258 с.
- Соколова В.К. Русские исторические предания. М., Наука, 1970. 197 с.
- Шептунов И.М. Отражение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в фольклоре. Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., Институт славяноведения РАН, 1978. 164 с.

- Шопенгауэр А. 2022. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Мир как воля и представление. Библиотека Максима Мошкова. URL http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (дата обращения 02.07.2022).
- Яворницкий Д.И. 1990. История запорожских казаков. Т. 2. Киев, Наук. думка, 1990. 660 с.
- Hindus M. The Cossacks. London, Collins PH, 1946. 246 p.
- McNeal R.H. Tsar and the Cossack, 1855–1914. Oxford, Macmillan and St. Anthony's College, 1987. 262 p.
- Unamuno M. de. Selected Works. Vol. 1. Princeton, Princeton University Press, 2017. 456 p.

References

- Voronin V.V. 2002. Predaniya o zaselenii i osvoenii territorii v ustnoprozaicheskome fol'klore kubanskikh kazakov. Osvoenie Kubani kazachestvom [Legends about the settlement and development of the territory in the oral prose folklore of the Kuban Cossacks. The development of the Kuban by the Cossacks]. Questions of history and culture. Krasnodar, Krasnodar book PH, 2002: 68–278.
- Goncharov A.S. 2021. Istoricheskij portret Zahariya Alekseevicha Chepegi [Historical portrait of Zakhary Alekseevich Chepega]. History. Historians. Sources, electronic scientific journal. Tula, Tula State University PH, 2021. 4: 28–37.
- Gromyko M.M., Buganov A.V. 2000. O vozzreniyah russkogo naroda [About the views of the Russian people]. Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Moscow, Pilgrim, 2000. 543 p.
- Kucenko I.Ya. Kubanskoe kazachestvo [Kuban Cossacks]. 2nd ed., rev. and ad. Krasnodar, Krasnodar book PH, 1993. 358 p.
- Repina L.P. Istoriya istoricheskogo znaniya, uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [History of historical knowledge, textbook for academic bachelor's degree]. 4th ed., ster. Moscow, Yurajt PH, 2018. 258 p.
- Sokolova V.K. Russkie istoricheskie predaniya [Russian historical legends]. Moscow, Science, 1970. 197 p.
- Sheptunov I.M. Otrazhenie russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. v fol'klore. Balkanskie issledovaniya [Reflection of the Russian-Turkish war of 1877–1878 in folklore. Balkan studies]. Iss. 4. Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i Balkany [Russian-Turkish war of 1877–1878 and the Balkans]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS, 1978. 164 p.
- Shopengauer A. 2022. Sbranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Vol. 1. Mir kak volya i predstavlenie [The world as will and representation]. Library of Maxim Moshkov. URL: http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml (Accessed 02.07.2022).
- Yavornickij D.I. 1990. Istoriya zaporozhskih kazakov [History of the Zaporozhye Cossacks]. Vol. 2. Kiev, Scientific thought 1990. 660 p.
- Hindus M. The Cossacks. London, Collins PH, 1946. 246 p.
- McNeal R.H. Tsar and the Cossack, 1855–1914. Oxford, Macmillan and St. Anthony's College, 1987. 262 p.
- Unamuno M. de. Selected Works. Vol. 1. Princeton, Princeton University Press, 2017. 456 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.08.2022

Received 19.08.2022

Поступила после рецензирования 30.08.2022

Revised 30.08.2022

Принята к публикации 30.08.2022

Accepted 30.08.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гончаров Артем Сергеевич, аспирант, сотрудник Научно-исследовательского управления, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, Россия

Artyom S. Goncharov, post-graduate student, Research Department, Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

 [ORCID: 0000-0002-3244-8155](https://orcid.org/0000-0002-3244-8155)